

НЫНЕШНИЙ сезон Таганрогского драматического театра имени А. П. Чехова — особый, юбилейный. Сто пятьдесят лет назад впервые распахнулась его сцена. Возраст немалый. Были и творческие взлеты, и годы затишья. И все же крепкие традиции всегда брали верх, и сегодня театр интересен и своим разнообразным репертуаром — от классики до пьес, рожденных текущим политическим моментом, и талантливым коллективом, в котором — содружество ветеранов сцены с молодежью.

Стало общим местом утверждение, что театр — искусство синтетическое, коллективное, ансамблевое. И тем не менее, читая рецензию или заметки о том или ином спектакле, узнаешь в основном о режиссуре, игре актеров. О музыкальном же, художественном, световом и т. п. компонентах либо говорится вскользь, либо просто умалчивается. Согласитесь, что это несправедливо, хотя и понятно: сильна еще в критике традиция, сложившаяся в те времена, когда декорации, музыка и другие изобразительно-выразительные средства считались лишь вспомогательными, второстепенными, выполняли роль украшения, не более.

Но не только в качестве формального восстановления справедливости решил я рассказать о творчестве художника Таганрогского театра Николая Ливады. Его работы и в самом деле вот уже на протяжении нескольких лет способствуют накоплению основного творческого капитала театра.

С творчеством Ливады встречаешься в Таганроге еще до того, как попадаешь в театр. Его афиши-плакаты к спектаклям сразу же привлекают, заставляют останавливаться, рассматривать. Прежде всего, они красочны

и не аляповатой зазывающей пестротой, а цветовой гармонией. Каждый плакат — как бы аккорд, построенный по законам зрительного восприятия. В то же время сочетание цветов уже в самом себе несет образное начало, идущее от содержания спектакля.

...Черный горизонтальный прямоугольник. По его полю вразброс, несимметрично, попереки — несколько желтых прямоугольников. Подойдя ближе, видим, что на черном фоне изображены гильзы-светильники, какие делали во времена войны на фронте. Плакат к спектаклю по пьесе Б. Васильева «В сплосках не значился». Предельная лаконичность и образность. И первое, что начинает формировать в нашем сознании образ, — это цветовой аккорд, а потом уже детали. Тот же принцип прослеживается и в других плакатах-афишах Николая Ливады, например, к «Земле» Н. Вирты. При подробном разглядывании мы видим в центре листа огненно-красного коня. Написан он условно, символически, как бы одним или двумя ударами кисти. И похож он на взрыв, а может быть, кровавую рану, от которой центробежно, в каком-то вихре раскручиваются алые всполохи. А по краям листа всполохи опаляют черноту вздыбившихся пластов... Образ революционной бури, очистительного пожара. И опять путь к образу начинается с цветового «удара» по нашему восприятию. Ощущение выразительных, а не только изобразительных возможностей цвета — главный признак живописного дарования,

без него просто нет художника. Николай Ливада обладает этим качеством вполне. И, по-видимому, его произведения станкового характера — пейзажи, натюрморты, портреты, выполненные в разной технике — маслом, акварелью, углем, карандашом и т. д., — это вовсе не «тре-

это относится и к театральному художнику. Он тоже должен быть актером. Конечно, наедине с собой, во время поиска решения декораций. Разумеется, исходная точка — пьеса и ее режиссерское истолкование. Но разные декорации создаются не для актеров? Причем не во-

дается, но что может раскрыться в определенной обстановке. И тут уже художник — режиссер.

А он и выступает таковым почти во всех своих работах — будь то «Каждый осенний вечер» о болгарском подполье с гулиными арками, мрачными проемами окон, крутыми

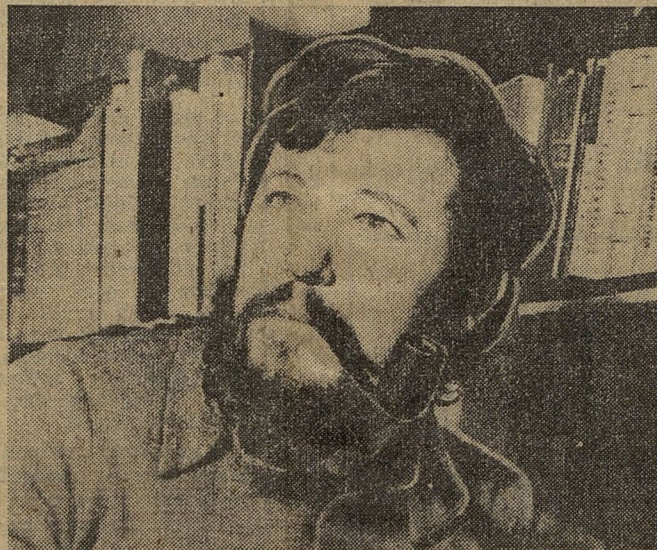
ло ясно, что расхождение между режиссером и художником в трактовке пьесы нет.

И вот мы рассматриваем макет будущего спектакля. В нем все предельно просто. Небольшой полуовальный портик, за ним гладь озера. Если между двумя колоннами повесить занавес, получится сценическая площадка домашнего театра. А если внутри портика поставить стол и стулья и внести еще две-три детали — получается интерьер. Чем продиктовано стремление к простоте, к «незаметности» декораций? Этот вопрос я задал и режиссеру и художнику. Они ответили примерно следующее: «Главное в пьесе Чехова — духовная жизнь героев, непростые отношения между ними, текучесть этих отношений, изменчивость. И это должно быть на первом плане. Декорации не должны отвлекать». И тут я вспомнил, как однажды Л. Толстой упрекнул А. Чехова, что он пишет пьесы так же «плохо», как и Шекспир. А у Шекспира в его театре декорации и были всегда «незаметными», вплоть до табличек — «Лес», «Ручей», «Замок» и т. п. И в этом я увидел косвенное подтверждение правоты режиссера и художника.

За последнее время Николай Ливада создал оформление к разным спектаклям — «С полпути пешком», «Четыре капли», «Забить Герострата!..» и другим. Сейчас напряженная работа над «Чайкой». А впереди? Новые и новые спектакли, и каждый раз новые и новые творческие подходы, отправные точки. Растет опыт, растет требовательность к себе, раздвигаются художнические горизонты...

В. ТЫРТЫШНЫЙ.

На снимке: художник Николай ЛИВАДА.

наж», цель которого обогатить свои возможности как театрального художника, а вполне самостоятельные явления. Хотя, безусловно, творческая разносторонность благотворно влияет на основную профессию. Кстати, вернемся к ней.

Известно, что, допустим, художник — мультипликатор — не только художник, но и своего рода актер, так как он должен «проиграть» своих персонажей, прежде чем изобразит их. В какой-то степени и, наверное, в немалой

общее актеров, а конкретных, тех, которые работают в данном театре. И разве, создавая жизненную среду для актеров в спектакле, художник-декоратор может игнорировать их индивидуальные особенности? Вот и получается, что художник-декоратор, если он художник не только по должности, должен побывать «в шкуре» каждого исполнителя той или иной роли и не только знать уже известные способности актера, но и предугадать порой то, о чем сам актер лишь смутно догады-

лестницами и темными подвалами, или «Бесприданница» — трагический балаган — пестрый, яркий, лубочный и какой-то даже внешне беспорядочный, неустойчивый; или издевательски-буффонадный спектакль «Забить Герострата!..», вся обстановка которого — перевернутые вниз головой статуи богов, отбитые головы — изображают не только сожженный храм, но и крах традиций, нравов, полисных устоев и торжество наглости, динизма, чистогана.

Каждый раз Ливада создает настолько образные декорации, что, попадая в их окружение, актер легко переносится в предлагаемый мир и, следовательно, ему легче перевоплощаться, жить в образе, а не просто представлять своего героя зрителю...

На этот раз я застал Николая в беседе с главным режиссером театра Владимиром Цесляком. Они обсуждали предстоящую постановку чеховской «Чайки». Вместе поехали к Ливаде домой, где у него по существу главная мастерская. Увы, здание театра старое, тесное, помещение для вспомогательных служб не хватает. По дороге, в трамвае, Владимир Станиславович увлеченно говорил о замысле спектакля, о своей точке зрения на пьесу, ее проблематику. И, судя по тому, как слушал его вместе со мною Николай Ливада, бы-